

МЕТАТЕКСТ-ПЕРЕСКАЗ И МЕТАТЕКСТ-ВАРИАЦИЯ КАК ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ МЕТАТЕКСТУАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ В ПОЭЗИИ Д. САМОЙЛОВА

И. С. Балабанович

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, balabanovich_i@mail.ru*

В докладе рассмотрены такие формы реализации метатекстуальности в творчестве Д. Самойлова, как метатексты-пересказы и вариации на тему претекста. Выявлены претексты, легшие в основу таких метатекстуально маркированных стихотворений, проанализированы и дифференцированы способы пересказа другого поэтического текста и передачи прозаического текста поэтическим языком, выявлена и оценена роль претекста в формировании композиционной и идейно-образной структуры вторичного текста. Сделаны выводы о моделях соотношения разноуровневых (языковых, сюжетных, композиционных, образных, идейно-ценностных) компонентов претекста и вторичного текста в рамках описываемых моделей их взаимодействия.

Ключевые слова: интертекстуальность; метатекстуальность; метатекст-пересказ; вариация на тему претекста; Давид Самойлов.

МЕТАТЭКСТ-ПЕРАКАЗ І МЕТАТЭКСТ-ВАРЫЯЦЫЯ ЯК ФОРМЫ РЭАЛІЗАЦЫІ МЕТАТЭКСТУАЛЬНЫХ СУВЯЗЕЙ У ПАЭЗІІ Д. САМОЙЛАВА

І. С. Балабановіч

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4,
220030, г. Мінск, Беларусь, balabanovich_i@mail.ru*

У дакладзе разгледжаны такія формы рэалізацыі метатэкстуальнасці ў творчасці Д. Самойлава, як метатэксцы-пераказы і варыяцыі на тэму прэтэксцы. Выяўлены прэтэксцы, што ляжаць у аснове такіх метатэкстуальна маркіраваных вершаў, прааналізаваны і дыферэнцыраваны спосабы пераказу іншага паэтычнага тэксцы і перадачы празаічнага тэксцы паэтычнымі сродкамі, выяўлена і ацэнена роля прэтэксцы ў фарміраванні кампазіцыйнай і ідэйна-вобразнай структуры другаснага тэксцы. Зроблены высновы аб мадэлях суадносін рознаўзроўневых (моўных, сюжэтных, кампазіцыйных, вобразных, ідэйна-каштоўнасных) кампанентаў прэтэксцы і другаснага тэксцы ў рамках апісаных мадэлей іх узаемадзеяння.

Ключавыя словы: інтэртэкстуальнасць; метатэкстуальнасць; метатэксцы-пераказ; варыяцыя на тэму прэтэксцы; Давід Самойлаў.

Д. Самойлов – поэт, творчество которого базируется на конструктивном диалоге с литературными предшественниками и современниками.

Интертекстуальность – органичная черта его лирики. Одна из форм интертекстуальности – метатекстуальность – будет интересовать нас в данном докладе. По Н. Фатеевой, формы реализации метатекстуальных отношений многообразны: интертекст-пересказ, вариации на тему претекста, дописывание «чужого» текста, языковая игра с претекстами. Сюда же мы относим разного рода комментирующие ссылки на претекст [1, с. 144].

Что касается метатекстов-пересказов и метатекстов-вариаций, то они у Д. Самойлова немногочисленны: приведенный ниже материал, объем которого нельзя назвать большим (16 контекстов), был отобран в результате первичного анализа 886 произведений. Однако само по себе присутствие метатекстов-пересказов и метатекстов-вариаций, имеющих художественную специфику, делает недопустимым их игнорирование при комплексном анализе интертекстуальности стихов Д. Самойлова.

В подавляющем большинстве пересказываются не стихотворные, а прозаические претексты: сказки, записки, дневниковые записи и др. Интересно, что в основном метатекстуальность таких типов лежит в основе механизма текстопорождения и выполняет текстообразующую функцию.

Отметим, что в качестве претекста для переделки может выступать как реальный, так и потенциальный текст. Что мы понимаем под потенциальным текстом? Рассмотрим стихотворение «Офицеры Его Величества» [2, с. 7–10]. Оно посвящено деятельности на территории СССР в 1941 г. британской военной миссии № 30, одной из ключевых задач которой было информирование британской стороны о положении дел на фронтах Второй мировой. В произведении есть упоминание некой «депешы» «из самого Лондона» с кратким пересказом ее содержания: указаны сформулированные в документе вопросы к миссии. Возможно, под «депешей» понимался конкретный документ, например, директива главы Объединенного разведывательного комитета от 26.06.1941 г. о подготовке и отправке в Москву ежедневных разведывательных отчетов для соответствующих секций миссии [3, с. 70]. Однако более вероятно, что Д. Самойлов не был знаком с упомянутой директивой, а «депеша» в стихотворении – потенциальный, обобщенный текст, документ, который мог существовать. Пересказ депешы – лишь небольшой фрагмент стихотворения, этот образ не является текстообразующим, но при этом становится одним из ключевых в идейно-образной структуре самоейловского текста. Так вводится тема «крайней русской самоотверженности», которая потом развивается и становится ведущей в стихотворении.

Д. Самойлов внимательно относился к изучению творчества интересовавших его современников и предшественников, для него были важны дневники, воспоминания, документы. Пушкинские дневники произвели на поэта сильное впечатление. Кишинев – город, в котором, разделенные

эпохами, были и А. Пушкин, и Д. Самойлов. Их кишиневские впечатления соединились в стихотворении «Пестель, поэт и Анна» [4, с. 67–70]. Самойлов отталкивается от дневниковой записи Пушкина, который в Кишиневе встречался с руководителем Южного общества декабристов П. И. Пестелем: «9 апреля 1821 г. Утро провел с Пестелем; умный человек во всем смысле этого слова. “Mon coeur est matérialiste [Сердцем я материалист], – говорит он, – mais ma raison s’y refuse [но мой разум этому противится]”». Мы с ним имели разговор метафизический, политический, нравственный и проч. Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю...» [Цит. по: 5, с. 674]. Д. Самойлов переводит фразу П. Пестеля на русский и делает ключевой в своем стихотворении. Вообще текст стихотворения – это вымышленный диалог Пушкина с Пестелем.

Еще один автор, который оказал значительное влияние на лирику Д. Самойлова, – польский поэт XX в. И. К. Галчинский. Д. Самойлов много переводил его на русский, писал о его творчестве. Ему посвящено стихотворение «Соловьи Ильдефонса-Константы» [4, с. 54–55]. Имена польского поэта в заглавии представлены без фамилии (видимо, как достаточно информативные) и через дефис, как одно целое, характеризующее двойственность личности Галчинского. В основу стихотворения положен эпизод из воспоминаний С. М. Салинского – польского писателя и друга Галчинского. В один из летних вечеров Галчинский слушал, как его приятельница читает наизусть «Соловьиный сад» А. Блока и в шутку дирижировал певшими в кустах соловьями. Эта сцена до слез растрогала их второго компаньона – поэта Е. Либерта. В интерпретации Д. Самойлова сцена претерпела некоторые изменения. Т. Стащенко отмечает, что это стихотворение подражательно: оно имитирует поэтический стиль Галчинского как на мотивно-образном, так и на ритмико-метрическом уровне [6].

Для Д. Самойлова трамплином, отталкиваясь от которого поэт создает вторичный текст, может служить и собственный претекст. Так, стихотворение «Я рад, что промахнулся, Генрих Белль...» [5, с. 478–479] – пересказ прозаической записки, отправленной Д. Самойловым в 1962 г. на встрече с впервые приехавшим в СССР Г. Беллем. В стихотворении Д. Самойлов продолжает и развивает свою мысль, высказанную в записке: любое убийство (в том числе на войне) может оказаться убийством поэта, поэтому русский и немецкий солдаты отказываются стрелять друг в друга, осознавая свое родство, сходство. Вторичный текст включает в себя и дополняет, не комментируя, первичный автотекст. Совсем иная модель автотекста-комментария представлена стихотворением «Дневник» [7, с. 18], которое полностью построено на текстообразующей метафоре «дневник – жизнь», реализованной как краткий комментирующий пересказ дневниковых записей Д. Самойлова.

Среди литературных пересказов Д. Самойлова, пожалуй, особое место занимает «Томление Курбского» [8, с. 148–149] – стихотворение, открывающее цикл «Из стихов о царе Иване». Поэт пересказывает письма князя А. Курбского Ивану IV Грозному. Сохраняется точность в некоторых мотивах (обвинения царя в уничтожении или изгнании многих достойных людей, противопоставление позднего правления Грозного с разорением Москвы первому периоду правления, когда русские воеводы наносили татарам поражение за поражением). Однако некоторые мотивы все же добавлены Д. Самойловым от себя: противопоставление измены царю и измены Родине, предсказание смут. Именно они и становятся ключевыми.

Другой знаковый метатекст исторической тематики у Д. Самойлова – поэма «Струфианъ» с подзаголовком «недостоверная повесть» [9, с. 97–107]. Ключевое слово произведения, вынесенное в заглавие, взято Д. Самойловым из таинственной записки, найденной после смерти хозяина в вещах сибирского старца Федора Кузьмича, которого легенда отождествляет с императором Александром I, якобы инсценировавшим свою смерть. Именно слова из записки («А КРЫЮТЪ СТРУФИАНЪ») якобы были расшифрованы программистом – «одним знакомым» героя-повествователя, и стали толчком к построению совсем уж фантастического сюжета, в котором Федор Кузьмич не отождествлен с императором, а в качестве истинной причины исчезновения Александра I, которое потребовало инсценировки смерти, названо похищение инопланетянами.

Что касается метатекстов-пересказов, то пересказываться может как один фрагмент (эпизод) претекста, так и весь претекст. Первый случай иллюстрируют стихотворения «Наташа» [10, с. 44–45] и «Оправдание Гамлета» [4, с. 40–41]. Заглавие первого из стихотворений паратекстуально. Понимаем, что это отсылка к «Войне и миру» Л. Н. Толстого, так как в тексте стихотворения появляются и другие имена из романа: Анатолий, Андрей. Д. Самойлов выбирает незначительный момент – девушка выбегает из дома «...не к Андрею, / бог знает к кому – / к Анатолию», делая его значимым, можно сказать, судьбообразующим для героини. Д. Самойлов рисует картинку из жизни Наташи Ростовской с комментариями касательно ее внешности, ее выбора партнёра и ее судьбы.

«Оправдание Гамлета» – отсылка к трагедии У. Шекспира. Стихотворение построено по схеме «тезис – антитезис». В качестве тезиса называется некое мнение обобщенного коллективного субъекта («врут») о том, что Гамлет нерешителен, которое на протяжении всего стихотворения оспаривается. Антитезис в том, что Гамлет «решителен», «груб и умен», «медлит быть разрушителем», смотрит в будущее. Пересказывается сцена,

когда Гамлет застаёт Клаудия молящимся и не хочет его убить в этот момент. Лирический герой Д. Самойлова подмечает миг, когда клинок уже занесен – но еще не ранил Полония (Клаудия, как считал Гамлет). Этот миг не отмечен самим Шекспиром никак, Гамлет импульсивно колет клинком Полония, стоящего за занавесом. Д. Самойлов как бы «переделывает» текст Шекспира: в его интерпретации Гамлет якобы «знает» (предчувствует), что за портьерой – Полоний, а не Клаудий. Поэт наделяет шекспировского героя даром провидения, и миг, когда клинок занесен над телом Полония – это миг провидения, Гамлет предчувствует самоубийство Офелии и месть Лаэрта. Решение героя мстить за отца представляется как осознанный выбор зрелой личности, выбирающей смерть во имя избавления от «загнивших кровей». В широком контексте, Гамлет выбирает смерть в обмен на свободу родины от «гнили».

Сюжет может подвергаться преобразованию, так появляются стихотворения-переделки. Например, в «Золушке» [2, с. 52–53] некоторые сюжетные элементы, в том числе имя главной героини, сохранены, но нет определяющих для жанра сказки элементов волшебства, опущен ключевой для оригинального сюжета компонент – бал, нет принца, феи-крестной. У Д. Самойлова Золушка «шьет туфельку сама». Туфелька выступает как символ волшебного начала, чуда, и это чудо Золушка создает собственноручно. Кстати, сюжет Золушки Д. Самойлов трансформирует еще в одном стихотворении – «Сандрильона» [7, с. 75], где в игровой форме разворачивается метафора «современная девушка – Сандрильона (Золушка)»: как сказочная героиня, реальная девушка, одна из многих, ждет своего принца на «Жигулях», своего счастья.

Как и в «Золушке», сюжет претекста трансформируется до диаметрально противоположного в стихотворении «Леди Макбет бросила профессию...» [8, с. 125]. Если у У. Шекспира жена Макбета сходит с ума и совершает самоубийство за кулисами, то у Д. Самойлова она получает шанс на счастливую старость чинной английской дамы.

Вариации на тему претекста у Д. Самойлова разнообразны. Один из вариантов – противопоставление, полемика. Так, поэт вступает в полемику с позицией А. Ахматовой («Ах, наверное, Анна Андреевна, / Вы вовсе не правы. / Не из сора рождаются стихи...» [11, с. 22]), этот спор становится текстообразующим, позволяя Д. Самойлову выразить свое понимание генезиса художественного творчества: страдание как источник вдохновения.

Другой вариант – конструктивное взаимодействие, когда мнение автора претекста не оспаривается, но все равно становится «трамплином» для развития новой художественной мысли. Композиционная схема «Свободного стиха» [4, с. 42–43] подобна трансформированной хрии. Тезис совмещен со свидетельством (с атрибуцией через точное название имени

автора идеи – английского психиатра и кибернетика): «Профессор Уильям Росс Эшби / Считает мозг негибкой системой», затем дается оценка тезиса: «Профессор, наверное, прав». Затем – доказательство от противного, подобное, антитезис. И в конце – прямое обращение к читателям, призыв через собственный опыт присоединиться к мнению лирического героя (почувствовать силу разума, исключив информационные перегрузки и повседневный информационный шум). Вариацией можно считать и стихотворение «Читая Фантаста» [4, с. 46], посвященное С. Лему и поднимающее тему величия разума, проблему ответственности существа, наделенного разумом (мышлением, волей, воображением), за использование своих больших (как конструктивных, так и деструктивных) возможностей. Сюда же отнесем «Подражание Феокриту» [12, с. 39], где строфической анафорой становится перефразированная строка из I идиллии древнегреческого предшественника.

Метатексты-пересказы и вариации выполняют наряду с другими и комментирующую функцию по отношению к первичному тексту, но она не первична, как в метатекстах-комментариях, которые у Д. Самойлова характеризуются абсолютным количественным преобладанием.

Библиографически ссылки

1. *Фатеева Н. А.* Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. М. : Либроком, 2012.
2. *Самойлов Д.* Ближние страны. М. : Сов. писатель, 1958.
3. *Блинцов Д. А.* Деятельность британской военной миссии в Советском Союзе в начальный период Великой Отечественной войны (июнь-сентябрь 1941 г.): цели и задачи // ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы. 2018. № 3. С. 67–81.
4. *Самойлов Д.* Дни. М. : Сов. писатель, 1970.
5. *Самойлов Д.* Стихотворения. СПб. : Акад. проект, 2006.
6. *Сташенко Т.* «Поэт, как таковой»: образ Константы Ильдефонса Галчинского в интерпретации Д. Самойлова // Новый филологический вестник. 2019. № 4. С. 309–318.
7. *Самойлов Д.* Залив. М. : Сов. писатель, 1981.
8. *Самойлов Д.* Голоса за холмами. Таллин : Ээсти раамат, 1985.
9. *Самойлов Д.* Весть. М.: Сов. писатель, 1978.
10. *Самойлов Д.* Второй перевал. М.: Сов. писатель, 1963.
11. *Самойлов Д.* Горсть. М.: Сов. писатель, 1989.
12. *Самойлов Д.* Волна и камень. М.: Сов. писатель, 1974.